

УДК 14(082.1)

ББК 87.3

П29

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Некоммерческого научного фонда
«Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»*

П29 Михаил Константинович Петров / [под ред. С. С. Неретиной]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 295 с. — (Философия России второй половины XX в.).

ISBN 978-5-8243-1356-7

Выдающийся российский философ М. К. Петров (1923–1986) был основоположником науковедения в России, создателем философской школы в Ростове-на-Дону, аналитиком проблем культуры и науки. В посвященной ему книге участвуют его друзья, коллеги и ученики. Одни из них продолжают методологию М. К. Петрова, другие разрабатывают темы и проблемы на современном материале, третьи пытаются критически осмыслить его творчество. К наиболее важным вопросам относятся проблемы начала философии, философии языка, философской антропологии, образования.

Книга предназначена философам, ученым, историкам науки и студентам-гуманитариям.

УДК 14(082.1)

ББК 87.3

ISBN 978-5-8243-1356-7

© Лекторский В. А., общая редакция серии, 2010
© Неретина С. С., составление и общая редакция тома, 2010

© Институт философии РАН, 2010

© Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2010

© Коллектив авторов, 2010

© Оформление. Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2010

Содержание

От редактора	5
<i>В. Н. Дубровин, Ю. Р. Тищенко</i> Модели науки и культуры в творчестве М. К. Петрова.....	30
<i>С. С. Неретина</i> Культура как наука, или Наука как культура.....	78
<i>В. П. Макаренко</i> Социокультурный фон исследований М. К. Петрова: проблема освоения и разработки	129
<i>В. Н. Дубровин</i> Культурология М. К. Петрова как ключ к преодолению второго «скандала в философии».....	161
<i>Г. Ф. Перетятыкин</i> О категориальном потенциале языка и мышления (М. К. Петров и А. Ф. Лосев).....	165
<i>А. П. Огурцов</i> Образование в перспективе тезаурусной динамики (М. К. Петров как философ образования)	186
<i>Э. М. Мирский</i> «Онаучивание общества» и «общество, основанное на знаниях»	203
<i>М. С. Константинов</i> Институциональный подход в политической философии М. К. Петрова	219
<i>В. С. Библер</i> О книге М. К. Петрова «Язык, знак, культура»	237

<i>Н. Н. Зубков</i>	
История без фетишей.....	245
<i>М. В. Атякшев</i>	
Так ли возникло «греческое чудо»?.....	259
<i>Л. А. Крыштон</i>	
Творение — эманация?.....	267
Хроника основных событий жизни и творчества.....	271
Библиография	274
Библиографический список работ о жизни и творчестве	
М. К. Петрова	280
Именной указатель.....	286
Сведения об авторах	292

Научное издание

Философия России второй половины XX века

Михаил Константинович Петров

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Компьютерная верстка *А. Ю. Титова*
Корректор *К. М. Корепанова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.11.2009.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5.
Тираж 800 экз. Заказ 110

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука »
121099, Москва, Шубинский пер., 6

М. С. Константинов

**Институциональный подход
в политической философии
М. К. Петрова**

Исходным пунктом наших рассуждений будут рассмотренные М. К. Петровым два аспекта кризисной ситуации современной гносеологии социальных наук*: мировоззренческий и методологический, позволяющие к тому же эксплицировать институциональный срез его политической философии. Оговоримся: вклад М. К. Петрова в новую институциональную теорию вплоть до недавнего времени оставался незамеченным.

По М. К. Петрову, система мировоззрения, которая оказалась в основе социальных наук, привела к их кризису. Для объяснительной концептуализации вводится дистинкция двух видов человеческой активности как основы социальной жизни: поведения и общения, репродукции и творчества. В основе репродукции находится «закон» (программа деятельности), а ее результатом оказывается серия идентичных продуктов. Творческая деятельность подчиняется запрету на повтор-плагиат, в ее основе находится «канон» (правила оформления результатов), а результатом выступает уникальное произведение. Репродуктивное поведение

* Здесь и ниже термин «социальные науки» противопоставляется естественным и включает в себя не только социологию, но и политические, экономические, гуманитарные и т. п. науки.

есть инерционная составляющая социальности; творческая деятельность определяет способность социальной системы к изменению.

Современные социальные науки изучают поведенческую структуру общества, игнорируя творческую составляющую. Это обусловлено особенностями истории развития европейского (научного) мировоззрения. М. К. Петров выделяет следующие ключевые вехи в этом развитии:

- возникновение на палубе пиратского корабля в бассейне Эгейского моря и институционализация в «домах гомеровских одиссеев» социального отношения «слово—дело»;

- развитие понятия безусловного авторитета, упорядочивающего по слову хаос окружающей среды;

- объективация грамматических структур (или логизация бытия) в постулате Аристотеля: «Сколькими способами говорится, столькими же способами означает себя бытие»*;

- развитие аналитического новоанглийского языка, особенностью которого является однозначность форм высказывания;

- фиксация этого изменения в философии Т. Гоббсом, заменившим две причины (формальную и целевую) аристотелевской четырехпричинной сущности галилеевским принципом инерции;

- возникновение в XVII в. опытной науки;

- философская санкция Г. В. Лейбницем методологического актуализма в виде постулата: «Свойства вещей всегда и повсюду являются такими же, каковы они сейчас и здесь»**.

Постулат Г. В. Лейбница философски санкционирует расширение глубин дисциплинарных вечностей, позволяя открывать законы в природе. В социальных науках методологический актуализм реализуется в виде принципа восхождения от регулярностей поведения к структуре: индивид—роль—ролевой набор—институт—социальное целое. Объясняя структурные аспекты общества, социологический актуализм неадекватен для объяснения изменений социальной реальности, что ведет к кризису социальных наук. Что это может означать для политологии? Данный тезис М. К. Петрова можно использовать в качестве критики «старого» институционализма в противопоставлении «новому». В частности, исследователи отмечают ряд свойств

* Аристотель. Метафизика. 1017а 20–25 (пер. М. К. Петрова).

** Лейбниц Г. В. Соч. в 4 т. М., 1984. Т. 3. С. 389.

«старого» институционализма: особое внимание к структурным деталям, акцент на изучении институциональной стабильности, описательно-индуктивный подход к формальной структуре, правилам и процедурам, фасадным ценностям и т. д.* «Новый» институционализм обладает следующими характеристиками: внимание к теории развития, трактовка институтов в качестве «зависимых переменных величин» и объяснение других связанных с институтами явлений как «независимых переменных величин», изучение реального поведения, а не формальных аспектов институтов, концентрация внимания на институциональных результатах. В аспекте противопоставления «старого» и «нового» институционализма особый интерес представляет проект преодоления кризиса гносеологии, предложенный М. К. Петровым.

В качестве ответа на этот кризис он предлагает проект нелинейного мышления для изменения познавательных установок в социально-гуманитарных науках**, состоящий в следующем.

1. Инерционные и обновляющие моменты в социальных явлениях не могут интерпретироваться в естественно-научных терминах закона и случая, но лишь в «социальных» терминах человеческого творения и наследования (*социальность — человеческое установление*).

2. Физические и социальные системы радикально отличаются друг от друга, но не по своему «поведению» (это поведение в обоих случаях репродуктивно), а по возможности воздействия на них с целью изменения*** (*методологическое тождество и телеологическое противоречие познания физического и социального мира*).

3. Поэтому наличная институциональная система есть лишь (заведомо не лучший) вариант из множества вариантов (*альтернативность социальной истории*).

* Политическая наука: новые направления. М., 1999. № 1, 20.

** Петров М. К. Историко-философские исследования. М., 1996. С. 397–403, 411–413.

*** Речь идет о «человеческой власти над социальным будущим и ответственности за это будущее. Инерционность социальности... понимается при этом как неустранимый из картины будущего “враг № 1”, носитель всех тенденций, в том числе разрушительных и катастрофических. Замеренная лагом прохождения управляющего сигнала, социальная инерция прочерчивает в будущем мертвую зону человеческого бессилия... Линейные краткосрочные прогнозы вполне приложимы для этой зоны» (Петров М. К. Историко-философские исследования. М., 1996. С. 399).

4. Важность выделения переменных и тенденций не отрицается, но рассматривается лишь как первый шаг прогнозирования с целью идентификации и таймирования проблем (*проблемообразующая функция социальных наук*).

5. Научный прогноз мыслится не как цепь последовательных состояний одного и того же, но как прерванная актами целенаправленной деятельности последовательность выборов состояний (*«точечные равновесия»*).

6. Снятие выбора действием в пользу того или иного состояния есть монополия живущего поколения людей (*отсутствие авторитетной инстанции*).

7. Ввиду нестабильности современного социального мира и отставания развития институциональной организации от развития человеческих способностей необходима перманентная сознательная переделка и перестройка социальной структуры под возможности и способности современного человека либо (более радикально) редукция социальности к человеку (*«революционная практика»*).

8. Сознательность этой «революционной практики» востребует *каузального описания социальной системы*: «Прежде чем менять тенденцию, необходимо знать, чем она вызывается, что именно будет затронуто ради ее изменения и какие из этого могут произойти следствия»*.

Итак, первый ключевой тезис: в телеологическом пункте возникает политическая значимость гносеологической проблематики. Либо цель социальных наук — в увеличении политического отчуждения, закреплении субъект-объектного властного отношения «программирующее слово — подчиненное ему дело» средствами манипуляции или насилия в исправлении отклонений от нормы; либо цель социальных наук — *проблемообразующая*, т. е. концептуализация социальных проблем для последующего их институционального разрешения, экспликация зон и элементов человеческой несвободы и выработка институциональных субституций. В современном обществе реализовано первое в ущерб второму, и широкое распространение политических, экономических и социальных технологий — тому решающее подтверждение.

* Петров М. К. Историко-философские исследования. М., 1996. С. 402–403.

В этом же телеологическом пункте у М. К. Петрова проходит граница между наукой и философией*. В связи с этим можно эксплицировать четыре группы исследованных им политико-философских проблем.

1) Проблема определения предмета политической философии. Граница между наукой и философией проводится по линии поведение — общение. Целью научного исследования репродукции должен быть перевод в сферу общения для возможного изменения. Главные конституенты общения: запрет на плагиат, квота цитирования, ранговое распределение по закону Ципфа, грамматический априоризм (каноника), безадресность, то есть обязательная гласность. Исследовать подобные характеристики должна философия. Если политология изучает структурные элементы политической жизни данного общества, то предметом политической философии должна выступать вся совокупность процессов творчества политической истории индивидами. Смысл философских методов — в умножении степеней человеческой свободы.

2) Проблема утраты субъекта истории в социальных науках. В результате гоббсовской редукции предмета философии основным структурным элементом реальности контактного взаимодействия становятся не сущность или вещь как таковые, а *соразмерность причины действию*, целостное и изолированное *отношение между вещами***.

* В этом контексте очень важна идея Э. Иммергат о том, что политическая философия имманентна институционализму: «Признание предвзятости институтов перегружает институционалистов двойного рода ответственностью: не только обсуждать институциональные наклонности, но и предлагать пути, чтобы улучшить справедливость институциональных результатов. [...] Неинституционалисты полагают, что политические институты можно переделать для более справедливого функционирования, потому что политические решения, сделанные в рамках этих институтов, могут их изменить с тем, чтобы произвести лучших граждан» (Immergut E. M. *The Theoretical Core of the New Institutionalism // Politics and Society*, 1998. Vol. 26. № 1. P. 8–9). Как заметил по этому поводу С. В. Патрушев, «нормативные стандарты... не экзогенны, но эндогенны политическому процессу. Общее благо таково, каким мы его хотим иметь, конструируя институты» (Патрушев С. В. *Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политические науки*. 2001. № 2. С. 154).

** Интересно, что Алвин Гулднер фиксирует сравнимые мировоззренческие положения в западной социологии. Социология есть реакция на утилитарную культуру, широко распространившуюся в западном обществе

таким реляционистском подходе представляется безличной, автоматически срабатывающей данностью, что крайне опасно для социальных наук. Историю и все социальные институты творит человек, и только он несет за них ответственность.

3) Проблема культурной относительности, отмечаемая Б. Парехом в качестве ключевой проблемы современной политической философии*. М. К. Петров показывает, что «если в диалогах с традицией Европа использует категорию человека вообще: “гражданина”, “члена общества”, “личности”, — то... традиция всегда будет воспринимать эту привычную для нас знаковую реалию как неправомерное и... противоестественное совмещение профессий...»**. Он стремится универсализировать политическую философию и в концептуальном, и в методологическом, и в критическом аспектах.

4) Проблема взаимоотношений государства и личности. По М. К. Петрову, существование и усиление современных государств блокирует творческое развитие личности, однако «отмена» государства в современном мире оказывается невозможной в силу действия эффекта, в институционально-эволюционной теории называемого «хреодным»***.

Если это может быть принято, то логичным будет переход к методологии исследования М. К. Петрова. Несмотря на критику социологического актуализма, М. К. Петров не сторонник релятивизма. В основу своих теоретических построений он положил принцип функциональной однородности, полноты и до-

XVIII—XIX вв.: «Утилитаризм... стимулирует рассмотрение объектов как меняющихся предметов, лишенных постоянства. Когда внимание обращают на применение вещей и их функцию, отворачиваются от их устойчивых и структурных аспектов, от их предметности. Таким образом, социальный мир объектов перемещается на периферию сознания... В этом случае объекты начинают интерпретировать в первую очередь либо как средства для достижения цели, либо как ее конечный момент, либо как опосредующие факторы» (Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 113—114).

* Парех Б. Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 489—491.

** Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 139.

*** Понятие «хреодный эффект» (от греч. *chre* — предопределенный, обреченный и *odos* — путь) разработано в институционально-эволюционной теории и проявляется в том, что в силу случайных обстоятельств то или иное явление, начав развитие по неоптимальному пути, продолжает развиваться по первоначальной траектории, даже если она в конечном счете тупиковая. При этом формирующаяся внешняя среда блокирует действие селекции.

статочности любого набора действующих в обществе институтов, гарантирующих их сравнение по единому функциональному основанию. Но в отличие от функционализма М. К. Петров акцентирует институты обновления (трансмутации) социальности.

Возможность изменений он видит в срезе взаимоотношений социальной системы и индивида. В классической дихотомии атомизм / холизм М. К. Петров придерживается дуалистического подхода: каждый элемент системы обладает независимыми свойствами как автономная единица, стремясь функционировать как «самоцелостность» и поддерживать указанные свойства, определяемые принадлежностью элемента к системе.

Зависимость системы от влияний внешней среды востребует принцип эволюционизма. Социум рассматривается как эволюционная открытая система. Эволюционный подход противопоставлен телеологическому и опирается на три принципа: наследственность, изменчивость и естественный отбор. Названные принципы идентифицируются у него с конкретными социальными механизмами на институциональном уровне. Системный дуализм, эволюционизм и институциональная обусловленность человеческой деятельности как ключевые методологические принципы позволяют сделать сопоставление социокультурной теории М. К. Петрова с институционально-эволюционной теорией и (шире) новым институционализмом.

Программа новой институциональной теории описана Д. Нортом в книге «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». В основе методологии, применяемой Д. Нортом, лежат те же три ключевых принципа, что и в методологии М. К. Петрова.

Под институтами Д. Норт понимает «правила игры» в обществе, или... созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»*. Основные функции институтов: социальная преемственность и уменьшение неопределенности путем устойчивого структурирования повседневной жизни. Поэтому в основе институциональной теории Д. Норта находится теория человеческого поведения. Д. Норт критикует принятую в экономике концепцию рационального максимизирующего индивида. Наиболее важными представляются два аспекта этой критики: мотивация индивида и расшифровка информации, поступающей из внешнего мира.

* Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

Мотивация во многом определяется неформальными ограничениями, транслируемыми культурой. Культурная обусловленность ставит под сомнение неизменность и универсальность индивидуальных предпочтений. Критике подвергаются также постулаты полноты, простоты, доступности и бесплатности информации. Эти объективные характеристики дополняются понятием идеологии, определяемым как «субъективное восприятие (модели, теории), которым располагают все люди для того, чтобы объяснять окружающий мир»*.

Такое определение идеологии имплицитно включает понятие субъективной оценки справедливости институциональной системы. Последнее дополняет исследование проблемы оппортунизма и доверия, поставленной в теории общественного выбора и теории игр (три взаимосвязанных аспекта названной проблемы: «теорема о невозможности» К. Эрроу, проблема «безбилетника» М. Олсона и «дилемма заключенного», приписываемая А. Такеру). Д. Норт скептически оценивает сотрудничество и координацию между людьми, постулирует необходимость установления институтов и ставит политическую проблему: «При каких условиях может существовать добровольное сотрудничество, если не прибегать к решению в духе Гоббса, то есть не применять силу государства для принуждения к сотрудничеству?»**. При этом он подчеркивает, что государство разрушает неформальную институциональную основу общины, обеспечивающую доверие, и устанавливает гораздо менее эффективные институты для решения проблемы оппортунизма.

В теоретическом плане названные проблемы требуют пересмотра понятия рациональности. Новый институционализм противопоставляет логике рациональной калькуляции всех потенциальных выгод и издержек (концепция рационального индивида) логику соответствия институтам. Это противопоставление основано на двух принципиально различных пониманиях человеческой природы: *homo economicus* и *homo sociologicus****. Первый характеризуется как изобретательный, оценивающий и максимизирующий; модель второго отказывается от акцента

* Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 47. Сноска 7.

** Там же. С. 31.

*** Вайзе П. *Homo economicus* и *Homo sociologicus*: монстры социальных наук // Thesis. 1993. Вып. 3; Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // Thesis. 1993. Вып. 3.

на личном интересе. Попытка синтезировать две модели на основе пересмотра понятия рациональности* была предпринята в теории организаций Гербертом Саймоном. Признаны два взаимосвязанных результата исследований Г. Саймона: предложение заменить принцип максимизации принципом удовлетворенности, так как в сложных ситуациях следование правилам удовлетворительного выбора выгоднее, чем попытки глобальной оптимизации. Суть принципа удовлетворенности формулируется в следующих утверждениях:

а) когда результаты не соответствуют уровню устремлений, начинаются поиски иного стиля поведения (в частности, поиск новых альтернативных действий);

б) одновременно уровень устремлений начинает сам снижаться до уровня практически достижимых целей;

в) если эти два механизма слишком медленно приводят в соответствие устремления и результаты, то эмоциональное поведение — апатия или агрессия — заменяет рациональное адаптивное поведение**.

* Обычно рациональность определяется следующим образом: субъект (1) никогда не выберет альтернативу X, если в то же самое время (2) ему доступна альтернатива Y, которая, с его точки зрения (3), предпочтительнее X (Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7). По мнению Мориса Алле, «человек считается рациональным, когда он (а) преследует непротиворечивые, согласующиеся между собой цели и (б) использует средства, пригодные для достижения поставленной цели» (Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 227). Согласно Ф. А. Хайеку, рациональным поведением можно назвать такой тип поведения, который «нацелен на получение строго определенных результатов» (Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 26). Как можно заметить, все эти определения содержательно близки к веберовскому определению «целерационального поведения». Как известно, целерациональным, по Веберу, будет такое поведение, «если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве “условий” или “средств” для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели» (Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 628). При этом, однако, не следует забывать, что «целерациональность» у Вебера была лишь «идеально-типической конструкцией», то есть методологической, а не онтологической установкой исследователя.

** Саймон Г. А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т. 1 / Под ред. В. М. Гальперина. СПб., 1999.

Второй результат — понятие ограниченной (процедурной) рациональности. По Г. Саймону, рациональность человека ограничена в силу ограниченности основного ресурса рациональности — интеллекта, и индивиды используют стратегию нахождения удовлетворительного результата, т. е. ищут способ достичь некоего уровня, адекватного их устремлениям. Модель нахождения удовлетворительного результата описывает процесс, ведущий к принятию решения: люди начинают поиск, когда не достигают цели своих устремлений, но при этом пересматривают и сами цели. Одно из главных следствий теории Г. Саймона заключается в том, что характер поведения рационального индивида невозможно вывести из объективной информации об окружающей среде: требуется еще знание его или ее умственной деятельности*.

Д. Норт принимает постулат Г. Саймона о несовершенной (процедурной) рациональности. Ограниченная рациональность экономических акторов, проблема оппортунизма и низкая оценка справедливости институциональной системы повышают издержки обмена, возникающие вследствие того, что информация обладает ценой и асимметрично распределена между сторонами. Как следствие: «Результатом любых действий игроков по формированию институтов... будет увеличение степени несовершенства рынков»**. Любая институциональная система содержит в себе антистимулы, что позволяет говорить только об относительной, а не об абсолютной эффективности.

Понятие эффективности распределения ресурсов в неоклассической экономической теории связано с возможностью достижения стандартного критерия В. Парето. Д. Норт использует понятие «адаптивной эффективности», которое связано с правилами, формирующими направление развития экономической системы во времени, а также с тем, насколько сильно стремление общества к обучению и приобретению знаний, к поощрению инноваций, к риску и разнообразным видам творческой деятельности. Смена акцентов позволяет выделить целый спектр ключей анализа. Во-первых, подчеркивается важность анализа институтов, изменяющих общество (трансмутационных, в терминологии М. К. Петрова). Во-вторых, ак-

* Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis. 1993. Вып. 3.

** Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 14.

центрируются стимулы для децентрализованного принятия решений. В-третьих, критически оценивается адаптивная эффективность государственной организации. И, наконец, ставится под сомнение способность политического процесса, по своей природе консервирующего статус-кво, обеспечивать высокую адаптивную эффективность. Отсюда — значение, придаваемое Д. Нортом законам о банкротстве: «Важно иметь такие правила, которые устраняют не только проигравшие экономические организации, но и проигравшие политические организации»*.

В отношении направленности институциональных изменений важны два вопроса:

— что определяет дивергенцию обществ, политических систем и экономик;

— как объяснить выживаемость и устойчивость сравнительно неэффективных институциональных систем.

По мнению Д. Норта, здесь проявляется эффект *path dependence* (зависимость от траектории предшествующего развития). В неоинституционализме разработана концепция самоусиления институтов**. Факторами этого феномена являются «кумулятивная причинность», «эффект блокировки» («lock-in»***), «хредный эффект», связанный с принципом случайности институционального выбора, а также «эффект гиперселекции****»*****. У Д. Норта также можно встретить описание всех этих феноменов, но наиболее важными он считает четыре механизма институционального «самоподдержания»:

1. Создание институтов *de novo* требует больших издержек по формированию сопутствующего оснащения.

* Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 107.

** Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 190–200.

*** В отечественной литературе принят термин «институциональная ловушка». См.: Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М., 1999. В этой книге приведены примеры таких ловушек.

**** Это понятие заимствовано из биологии и выражается в том, что, например, фирма может захватить рыночную нишу благодаря экономии на транспортных расходах, даже если она уступает конкурентам по рыночным характеристикам (локальная монополия). Такие фирмы могут достичь лишь локального оптимума, но не в масштабах экономики в целом.

***** Нестеренко А. Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // Вопросы экономики. 1997. № 3.

2. «Эффект обучения». В области технологии он напоминает хреодный эффект: рост качества продукции или снижение издержек по мере того, как расширяется использование технологии. Соответственно переобучение стоит дорого и может не окупить себя. Институциональная система предоставляет организациям большие возможности, поэтому они способны воспользоваться большими «эффектами обучения».

3. «Эффекты координации», т. е. преимущества от сотрудничества с другими экономическими агентами; прямым следствием эффекта координации будет состояние «lock-in» («блокирование»), которое проявляется в том, что трудно изменить однажды принятое решение.

4. «Адаптивные ожидания», возникающие вследствие того, что на основе формальных правил появляется множество неформальных ограничений, модифицирующих и конкретизирующих формальные правила, поэтому расширение практики заключения контрактов на основе определенного института уменьшает сомнения в его устойчивости. Эффект *path dependence* препятствует и реализации конкурентной модели на политическом рынке.

Похожие идеи можно обнаружить в институциональной теории М. К. Петрова. В ней по основанию дистинкции «закон-канон» четко выделяются два типа институтов: трансляции и трансмутации.

М. К. Петров дает только функциональное определение института как «интерьера» и организатора человеческой деятельности. Анализ показывает, что он принимает классическую трактовку института функционалистской школой в социологии Дюркгейма—Парсонса*. По Э. Дюркгейму институты — это устойчивые нормы, регулирующие поведение людей и реализующиеся в формах организации общественных взаимоотношений. Т. Парсонс дополнил понятие института Э. Дюркгейма понятиями роли и статуса. М. К. Петров, критикуя методологический актуализм статусно-ролевой теории Парсонса—Мертон, акцентирует институты трансмутации в системной взаимосвязи институтов стабилизирующего и трансмутирующего типа. При этом его внимание смещено от крупных институциональных

* Однако у Петрова встречается и выражение «правила игры» по отношению к социальным институтам (см., например: Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992. С. 107).

единиц к непосредственному институциональному окружению человеческой деятельности («интерьеру»). Именно такая постановка проблемы характерна для нового институционализма.

У М. К. Петрова выделяются те же основные функции институтов, что и у Д. Норта:

- обеспечение социальной преемственности и стабильности;
- структурирование человеческой деятельности и общения;
- стимулирование творческого общения индивидов и приобретения знаний.

В этом контексте важно признание Д. Норта в том, что он «не встречал работ, в которых целенаправленно изучалась бы связь между институциональными структурами... и стимулами к приобретению чистого знания»*. Однако именно это составляло главный объект исследований и является основным в наследстве М. К. Петрова, проявляясь в разработке таких фундаментальных понятий, как «социокод», «типы кодирования и трансляции знания», «трансляционно-трансмутационный интерьер» и др.

Функциональное определение необходимо, поскольку придает институту сугубо техническую характеристику — меру эффективности, а также позволяет М. К. Петрову выделить два подхода к институциональной эволюции по основанию дистинкции «репродукция-творчество»: рационализационный (улучшающий существующие институты) и инновационный (оценка эффективности и выбор из нескольких «конкурирующих» институтов).

Агенты институциональных изменений — люди. Особую значимость имеет концепция «лишних людей», связанная с ограниченностью социальной матрицы профессий: «...Концепт “лишних людей”... несет явно революционную функцию реальной возможности появления нового и попыток его реализации, перевода в наличное, в норму»**.

Поведенческая модель М. К. Петрова (дистинкция «поведение — общение») и критика социологического актуализма в основных чертах совпадает с теорией человеческого поведения Д. Норта и его критикой неоклассической поведенческой модели. При этом М. К. Петров разработал концепцию

* Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 99.

** Петров М. К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М., 2004. С. 31.

человекоразмерности, предвосхитив аналогичную концепцию ограниченной (процедурной) рациональности Г. Саймона. «Человекоразмерность» есть условие и мера фрагментации социально-необходимой деятельности в посылные для индивидов роли и ролевые наборы. Она связана с биологической недостаточностью человека и, соответственно, с необходимостью специализированного знакового кодирования индивидов в условиях неразвитости биологического (генного) кодирования. Поэтому человеческая размерность отражена прежде всего в структурах знаковых систем*. «Человекоразмерность» и институты находятся в отношениях обратной зависимости: при восполнении человеческой недостаточности отпадает необходимость во вспомогательных институтах. Однако этому препятствует эффект блокировки («lock-in»), разработанный в институционально-эволюционной теории. У М. К. Петрова обнаруживается описание идентичного феномена институциональной блокировки творческих потенций человека. Одним из аспектов этой проблемы является несоответствие вновь устанавливаемых институтов принципам и возможностям человеческой размерности (следует особенно обратить внимание на этот момент, поскольку у Г. Саймона его не было, хотя данную проблему следует положить в основу нового институционализма).

Траектория развития обществ у М. К. Петрова определяется институциональной системой. Однако он восполняет недостаток, отмеченный Д. Нортон: в основу петровской классификации положены институты, определяющие стремление общества к обучению и приобретению знаний, а также к поощрению инноваций и творческой деятельности. М. К. Петров выделяет три типа социальности: доземледельческий (первобытный), земледельческий (традиционный), европейский (современный), — каждый из которых обладает особым набором социальных институтов. Они обусловлены тремя типами семиотического кодирования социально-необходимых видов деятельности — *индивидуально-именным* (доолимпийским), *профессионально-именным* (олимпийским) и *универсаль-*

* Подробнее см.: Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 28–35; Петров М. К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М., 2004. С. 21–30; нашу интерпретацию см.: Константинов М. С. Элементы институционально-эволюционной теории в социальной философии М. К. Петрова. Ростов н/Д, 2005. С. 18–22.

но-понятийным (европейским). М. К. Петров анализирует три типа социальности, акцентируя взаимосвязь личности, социальных институтов и государства и обнаруживая элементы институционально-эволюционного подхода.

Институционально-эволюционная интерпретация теории М. К. Петрова позволяет адекватно описать его политико-философскую концепцию. В ней, на наш взгляд, представлена альтернатива бюрократически-государственной организации общества. С этим утверждением связаны два ключевых тезиса: 1) наиболее адекватная форма социально-политической организации в современном нестабильном мире есть форма «человек—государство»; 2) существование и усиление современных государств является результатом действия «хреодного эффекта». Нет никаких оснований считать государство агентом или формой социально-политического развития, поскольку бюрократическая организация блокирует развитие творческих способностей человека. С точки зрения нормативной*, понимание государства как высшего уровня развития общества просто аморально. С точки зрения экономической**, государственная регламентация, вопреки ожиданиям, не приводит к снижению стоимости транзакций, в связи с чем ставится под сомнение ее эффективность***.

М. К. Петров выделяет две модели «человек—государство»: античную и современную. По его гипотезе, эта форма социально-политической организации возникает в бассейне Эгейского моря в период между крушением традиционного кносско-миносского государства и появлением классического античного полиса. Крушение государства, на его взгляд, было вызвано повсеместным распространением пиратского промысла, деятельность которого в принципе непредсказуема. Нормы пиратского ремесла, как считает М. К. Петров, были перенесены на всю совокупность отношений в «домах» гомеровских одиссеев. Речь идет о следующих характеристиках:

* Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.; Екатеринбург, 2000.

** В новой институциональной теории основной причиной существования любой организации (в том числе государства) считается сокращение стоимости транзакций; Бьюкенен Дж. Соч. М., 1997. С. 76—79).

*** Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 31, 54.

— институционализация отношения «слово—дело», что «делает героя гомеровских времен **личным носителем социальности** во всем ее карликовом объеме»*;

— институционализация запрета на повтор—плагиат, предпочтения событиям уникальным;

— институционализация полной автономии главы дома, «становление двусоставной формулы человека: «всеобщее + частное», — где всеобщее суть дела общего интереса, а частное — дела дома»**;

— этим обусловлен невиданный рост политического самосознания и железная самодисциплина: «Лишь с этого момента приобретает смысл вся совокупность равномерно распределенных “общечеловеческих” идей: свобода, равенство, братство, а само слово “человек” начинает звучать если не очень гордо, то во всяком случае содержательно»***.

Таким образом, античный полис предваряется «естественным» состоянием анархии. Уникальность полисной организации****, по М. К. Петрову, необъяснима без этого предварительного состояния. Характерные черты нового «трансляционно-трансмутационного интерьера» таковы:

— фигура человека-законодателя, фиксирующего в номосе личное слово, и гражданская общественная жизнь в качестве подчиненного слову дела;

— законодатели, включенные в гражданскую жизнь, остаются гражданами-новаторами;

— новый институциональный интерьер государственности постоянно открыт для новых предложений-вкладов в силу закрепления права любого гражданина на новаторство;

— в выработке новых институциональных норм отсутствует характерное для традиционного государства «рационализиру-

* Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992. С. 74.

** Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 171—172.

*** Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992. С. 74.

**** Эта уникальность позволяет некоторым исследователям делать вывод об отсутствии государства; см.: Берент М. Безгосударственный античный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Кортаева, Д. М. Бондаренко и др. М., 2000.

ющее» ограничение, а инновационность стимулируется всеобщим распределением гражданского навыка;

— имя новатора сохраняется, т. е. возникает неформальный институт авторского права, стимулирующий гражданина к новаторской деятельности.

Античный опыт «человека—государства», по мнению М. К. Петрова, закончился неудачей: «Бушующее в гомеровские времена пламя политического самосознания мирно угасает в законе»*. Причины тому — технологические («если все — пираты, то некому их кормить») и политические (агрессивность глав домов). В результате этого отступления «начинается быстрое разрастание ритуала по линии: человек—государство, город—государство, союз городов, империя»**. Из этого М. К. Петров делает следующий вывод: главная идея гражданской доблести, выработанная Античностью, состоит в том, что не человек подгоняется под уровень требований государственной машины, а государственный механизм выстраивается в соответствии с уровнем способностей человека (его «человекообразности»).

Похожая ситуация складывается и в современном «онаученном» обществе. По М. К. Петрову, наука оказывает возрастающее влияние на обновление социальной структуры и сознание людей. «Онаученное» общество характеризуется прогрессирующей нестабильностью, что делает невозможным закрепление в знаковой форме «программ действий» и востребует творческие потенции человека: «Моральное старение, кладбища машин и социальных институтов типичны для научно-технической революции»***. Все более напряженными становятся взаимоотношения человека и бюрократической организации национального государства. Мышление чиновника по принципу отрицательной обратной связи с опорой на наличный опыт оказывается неадекватным состоянию нестабильности****.

* Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992. С. 75.

** Там же.

*** Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992. С. 109.

**** Интересно, что изложенные положения весьма актуальны сегодня в западной политической мысли. Так, в частности, в обзоре Эллиса Гольдберга «По поводу имперского государства» (Goldberg E. Regarding the Imperial State // Political Theory. 2004. № 2) упоминается книга Джеймса Скотта «Благими намерениями государства» (Scott J. C. Seeing Like a State. New Haven, CT: Yale University. 1998; рус. пер.: Скотт Дж. Благими намерениями

Сравнительный анализ показывает, что в рамках двух противостоящих парадигм исследования бюрократии (М. Вебера и К. Маркса) взгляды М. К. Петрова укладываются в контекст марксистской теории бюрократии*. А критику М. К. Петровым разрыва пары «слово—дело» можно использовать для критики веберовской концепции рациональной бюрократии. Претензии бюрократии на рациональность снимаются концепцией человекоразмерности (ограниченной рациональности).

Ключевой конфликт современности, по М. К. Петрову, есть конфликт институциональных интерьеров — государственного и «онаученно-личностного» — и «представляется... как конфликт сознающего себя в науке и через науку индивида и не отвечающей требованиям его самосознания национально-государственной действительности»**. Между тем именно в условиях современной нестабильности требуется «человек—государство», т. е. «...свободный, научно-грамотный, сознающий границы собственной свободы и ответственности человек-творец»***. Этому препятствует «хреодный эффект» института национального государства: во внутренней среде «навыки граждан», отсутствие конкуренции личности с государством и законов о банкротстве, позволяющих исключить государство как проигравшую политическую организацию, во внешней — отношения состязательности с другими государствами и агрессивность межгосударственной политики. От того, насколько быстро будет преодолеваться хреодный эффект бюрократически-государственной институциональной организации, зависит скорость развития науки, личности и современного общества.

государства. М., 2005), в которой высказаны те же идеи противопоставления «одиссеева» непосредственного знания (у Дж. Скотта — *mētis*) и государственного схематического знания по критерию адекватности нестабильной среде; при этом она (среда) буквально названа «широко приветствуемой» («*Scott's widely acclaimed book*») (Goldberg E. *Regarding the Imperial State // Political Theory*. 2004. № 2. P. 237).

* Макаренко В. П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса (Очерк проблематики и методологии исследования). Ростов н/Д, 1985.

** Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992. С. 185.

*** Там же. С. 186.